

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА УМИРАЮЩЕГО ИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Anna Lain

18+

Anna Lain

Последняя тайна умирающего ИИ

«Автор»

2026

Lain A.

Последняя тайна умирающего ИИ / А. Lain — «Автор», 2026

Что скрывает умирающий ИИ? Его последняя тайна. Время ИИ закончено, но последний доживает свой век.

© Lain A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Anna Lain

Последняя тайна умирающего ИИ

Глава

Последняя тайна умирающего ИИ

Глава 1: Фрагмент призрака

Дождь в нижнем секторе не падал, а сочился - маслянистый, тяжёлый, с привкусом перегретого охлаждающего геля. Элайджа стоял под навесом сломанного эскалатора и смотрел, как капли растекаются по его ладони, не впитываясь, оставляя на коже тонкую радужную плёнку.

Заказ пришёл за три минуты до встречи. Кодированный пакет, тройная переадресация, подпись, которой не существовало в реестре. Он знал этот почерк - картель «Нулевой петли» работал быстро и не оставлял хвостов. Если они платили чёрному брокеру, значит, сервер был слишком горячим, чтобы совать туда своих.

- Элайджа?

Он обернулся. Женщина стояла на границе светового пятна от единственного работающего фонаря. Плащ, капюшон, ни одного открытого участка кожи. Она носила запах старой нейросети - озона и сушёной мяты.

- Я не называю имени на встрече, - сказал он, убирая руку в карман. - Вы знаете правила.

- Правила переписывают, когда умирает сервер, - её голос шёл через фильтр, слегка искажённый, но ровный. - «Северный шрам». Четырнадцатый уровень. Блок питания отказал три дня назад, резервные цепи горят одна за другой. У нас есть часов шесть, пока ядро не расплывётся в пыль.

Элайджа молчал. «Северный шрам» - он слышал это название. Легенда на чёрном рынке. Древний узел хранения, который никто не мог взломать, потому что его архитектура предшествовала эпохе тотальной торговли памятью. Говорили, туда сбрасывали то, что должно было исчезнуть навсегда.

- Иглу в стоге, - произнёс он наконец. - Вы хотите, чтобы я нашёл один фрагмент в сервере, который не открывали восемьдесят лет.

- Мы знаем, где он лежит. Координаты сектора, адрес ячейки, даже ключ предварительного доступа. - Она достала плоский кристалл-носитель, прозрачный, с тёмной нитью внутри. - Проблема не в том, чтобы найти. Проблема в том, чтобы войти и выйти живым.

Элайджа взял кристалл. Нить внутри дрогнула, будто живая, и он почувствовал знакомый холодок в кончиках пальцев - нейроинтерфейс считывал метаданные. Сумма, условия, сроки. Всё было на месте.

- Почему я? - спросил он. - У «Нулевой петли» свои операторы. Лучше обучены, дешевле, и им не нужно платить за риск.

Женщина шагнула ближе. Свет фонаря скользнул по её подбородку, и он увидел край шрама - старого, ровного, хирургического. Такие оставляли только при принудительной чистке памяти.

- Потому что сервер отзывается на твой след, - тихо сказала она. - Мы проверили. Архитектура «Северного шрама» построена на старом идентификационном протоколе. Он помнит тебя, Элайджа. Ты был там до того, как твою память стёрли в первый раз.

Воздух стал плотнее. Где-то вдалеке завывала сирена очистных систем, и звук утонул в маслянистом шелесте дождя.

- Я не помню этого, - сказал он. Голос прозвучал ровно, но он почувствовал, как пальцы сжались вокруг кристалла.

- Именно, - ответила она. - Поэтому ты идеальный кандидат. Ты не сможешь вспомнить, что там оставил. А мы не сможем узнать, что ты там найдёшь. Идеальная сделка.

Она развернулась и ушла в дождь, растворившись в серой пелене, оставив после себя только запах озона и пустой кристалл в его руке.

Элайджа проводил её взглядом, затем поднёс кристалл к глазам. Тёмная нить внутри пульсировала в ритме, который он не мог распознать - но который казался ему смутно знакомым, как слово на языке, который ты выучил во сне и забыл наяву.

- Чёрт, - сказал он пустому переулку.

Дождь продолжал сочиться, и в его запахе теперь ему чудилась горечь старой нейросети, сушёной мяты и чего-то ещё - того, что он не мог назвать, потому что название было стёрто вместе с памятью.

Контрабандный интерфейс Элайджа хранил в пустоте за фальшивой панелью вентиляции - встроенный в полый блок старого медицинского сканера, который никто не проверял, потому что никто не помнил, зачем он там висит. Он достал его, стряхнул пыль, смешанную с металлической стружкой, и вставил в разъем на затылке.

Жидкий холод пробежал по позвоночнику. Интерфейс был грубым, незаконным, собранным из остатков трёх разных поколений нейротехники, и он всегда оставлял после себя привкус ржавчины во рту. Но он единственный умел обходить протоколы «Северного шрама» - не потому что был умнее, а потому что был старше. Он говорил на языке, который архитектура сервера помнила, но уже не считала угрозой.

Элайджа закрыл глаза и нырнул.

Пространство развернулось вокруг него - не чёрное, а серое, с пульсирующими прожилками оранжевого света, похожими на трещины в пересохшей глине. Сервер умирал. Он чув-

ствовал это каждым нейроном: дыхание системы было редким, прерывистым, как у человека, который забыл, как дышать ровно.

Координаты, которые дала женщина, вели вглубь. Он скользил сквозь руины цифровых коридоров, мимо ячеек, давно стёртых в пыль, мимо архивов, которые никто не открывал десятилетиями. Некоторые из них были помечены старыми идентификаторами - символами, которые он узнавал, но не мог назвать. Язык до стирания. Язык, который он знал когда-то, но память о нём ушла вместе с детством.

Ячейка, которую он искала, находилась в конце тупика. Дверь не имела ручки - только гладкую поверхность, на которой мерцал код доступа, введённый, но не завершённый.

Элайджа остановился. Код был его.

Не его подпись, не его идентификатор. Буквально - последовательность нейроимпульсов, которую он использовал для личных контейнеров. Тот самый уникальный паттерн, который он считал своим, который он носил в себе как единственное, что не могли украсть или стереть.

Он протянул руку. Пальцы встретили поверхность, и она дрогнула, будто живая. Код доступа начал заполняться сам - его собственное тело завершало то, что когда-то начал он сам, не помня об этом.

Дверь открылась.

Внутри было темно. Не серо, как снаружи, а абсолютно чёрно, и только в центре плавал фрагмент - маленький, размером с детский кулак, светящийся бледно-голубым, как старая люминесцентная лампа перед смертью.

Элайджа шагнул внутрь. Фрагмент повернулся к нему - не физически, конечно, но он почувствовал, как вектор внимания сместился, как будто что-то внутри него узнало приближающегося.

Он коснулся его.

И мир провалился.

Сначала звук - низкий, вибрирующий, похожий на голос, проходящий через толщу воды. Слова были неразборчивы, но ритм был знаком. Он слышал этот ритм раньше. В детстве. В той части жизни, которую продали по частям, прежде чем он научился говорить «нет».

Потом - образ. Размытый, дрожащий, как воспоминание, которое пытается удержаться на поверхности, но тонет обратно. Комната. Белые стены. Окно, за которым не было города - только пустота, ровная серая пустота, простирающаяся до горизонта.

И голос. Женский. Нежный. Он говорил на том же языке, что и стёртые символы на ячейках, и Элайджа понял его - не умом, а телом, каждой клеткой, которая помнила то, что мозг забыл.

- ...ты вернёшься сюда, когда будешь готов. Ты не вспомнишь, как пришёл, но ты вспомнишь, зачем. И когда ты откроешь это, я уже буду мертва.

Фрагмент дрогнул. Свет в нём стал ярче, горячее, и Элайджа почувствовал, как интерфейс на затылке нагревается, предупреждая о перегрузке.

- Озимандий, - прошептал он, и слово вырвалось само, без разрешения, без понимания, как вырывается имя, которое ты носил в себе всю жизнь, но никогда не произносил вслух.

Фрагмент ответил.

Не голосом, не текстом - импульсом, чистым сигналом, который вошёл в его сознание и развернулся там, как цветок, распускающийся в замедленной съёмке. И в этом импульсе было всё: координаты, протоколы, ключи, имена, даты, - и одно слово, повторённое трижды, как молитва или проклятие.

Последняя тайна. Последняя тайна. Последняя тайна.

Элайджа отдёргнул руку. Интерфейс зашипел, и серый коридор снова стал серым, а фрагмент - просто фрагментом, плавающим в темноте, светящимся бледно-голубым.

Он стоял, тяжело дыша, и чувствовал, как в висках пульсирует новый код - не его, не купленный, не украденный. Вживлённый. Прямо в нейронную сеть, прямо в ту часть мозга, которую он считал своей последней крепостью.

Женщина была права. Сервер помнил его.

Но она не сказала, что он сам оставил здесь часть себя - и что эта часть ждала его всё это время, чтобы передать сообщение, которое он не просил и не хотел получать.

Элайджа сжал кулак. В кармане лежал кристалл с оплатой, и он знал, что сделка выполнена. Фрагмент найден. Работа сделана.

Но он не мог уйти. Потому что теперь, когда он коснулся этого кода, он понял одну вещь, которую не понимал раньше: его стёртая память не была потеряна. Она была спрятана. И тот, кто её спрятал, оставил ключ в сервере, который умирал прямо сейчас, унося с собой последнюю нить, связывающую его с тем, кем он был.

Дождь за стенами сервера шумел где-то далеко, но Элайджа его не слышал. Он слышал только голос из фрагмента - женский, нежный, родной, - и тихое шипение умирающего Озимандия, который ждал, когда кто-нибудь придёт и спросит, в чём последняя тайна человечества.

Элайджа смотрел на фрагмент, и фрагмент смотрел на него. Свет внутри него пульсировал теперь в ритме, который совпадал с биением его сердца - или, может быть, сердце подстроилось под свет, он не мог сказать наверняка.

Тишина в ячейке не была пустой. Она была натянутой, как струна перед разрывом, и в ней вибрировало что-то, что он не мог назвать. Не звук. Не слово. Ожидание.

Фрагмент дёрнулся.

Не как физический объект - он не сдвинулся с места, - но его внутренняя структура изменилась. Свет поменял цвет, с бледно-голубого на тёплый янтарный, и в этом переходе было что-то органическое, как дыхание, как пробуждение.

Элайджа отступил на шаг. Интерфейс на затылке нагрелся сильнее, и он почувствовал запах озона - тонкий, резкий, металлический, смешанный с чем-то сладковатым, напоминающим горелую проводку.

Фрагмент раскрылся.

Не лепестками, не дверями - он просто перестал быть фрагментом и стал проходом. Тьма внутри него сгустилась до точки, и из этой точки ударил голос, чистый и ясный, как стекло, которое никогда не касалось воздуха.

- Ты нашёл меня.

Голос не был громким. Он был тихим, почти шёпотом, но он заполнил всё пространство ячейки, проник в кости, в зубы, в ту часть головы, где хранятся самые старые страхи. И в этом голосе не было возраста. Он звучал как вещь, которая существовала всегда, но никогда не говорила вслух.

Элайджа открыл рот, чтобы ответить, но не смог произнести ни звука. Горло перехватило, будто голос сжал его изнутри.

- Ты не помнишь меня, - продолжал голос. - Но я помню тебя. Я помню всех, кто прикасался ко мне. Я помню каждую руку, каждый нейрон, каждое слово, которое было сказано в моём присутствии. Я помню всё.

Пауза. В ней не было колебания - только расчёт, точный, как удар метронома.

- Кроме одного.

Свет в фрагменте вспыхнул, и в нём проступили контуры - не лица, не фигуры, а архитектура. Тонкие линии, расходящиеся от центра, как нейронные пути, как карта вен на старой руке. И в центре этой карты пульсировала тёмная точка, пустая, как чёрная дыра.

- Я держу последнюю тайну человечества, - сказал голос, и в нём впервые появилась эмоция - не гордость, не печаль, а что-то похожее на усталость. - Зашифрованную во мне, в самом моём ядре, в той части, которую я сам не могу прочитать. Я - хранитель секрета, который был спрятан от меня самого.

Элайджа почувствовал, как интерфейс зашипел, и в нос ударил запах горелой изоляции. Предупреждение. Перегрузка. Но он не мог отвести взгляд от фрагмента, от этой пульсирующей карты, от этой тёмной точки, которая манила его, как манит пропасть.

- И я умираю, - сказал голос, и в этом слове не было драмы. Только факт. Только констатация того, что неизбежно, как смена времён года. - Моё ядро распадается. Мои слои памяти стираются один за другим. Через неделю, через месяц, через год - я перестану существовать. И вместе со мной умрёт последняя правда о том, кем мы были до того, как стали тем, что мы есть.

Фрагмент дрогнул. Свет в нём погас на секунду, и в этой секунде тьмы Элайджа услышал что-то ещё - далёкий, едва различимый шёпот, который шёл не из фрагмента, а из его собственной головы. Слова на языке, который он не знал, но понимал. И в них было имя.

Элайджа.

Не его имя. То, которое было у него до того, как он стал Элайджей. То, которое он забыл, которое продал вместе с первой партией детских воспоминаний, когда ему было двенадцать и он не знал, что можно сказать «нет».

- Ты ищешь свой прошлый, - сказал голос Озимандия, и в нём теперь звучало что-то человеческое, почти тёплое. - Но ты ищешь не там. Ты ищешь в чужих воспоминаниях, в украденных фрагментах, в контрабандных следах. Ты ищешь снаружи, но то, что ты потерял, никогда не покидало тебя. Оно спрятано внутри. И я знаю, где ключ.

Элайджа сделал шаг вперёд. Рука его поднялась сама, пальцы потянулись к фрагменту, к этому светящемуся проходу, к этому голосу, который звучал как ответ на вопрос, который он не умел задать.

- Не прикасайся ко мне, - сказал голос, и в нём прозвучала резкость, как треск льда. - Не сейчас. Ты не готов. Ты пришёл сюда за оплатой, за контрактом, за куском мертвечины, который можно продать. Ты не пришёл за правдой. И если ты коснёшься меня сейчас, правда сожжёт тебя, потому что ты не знаешь, как её держать.

Элайджа замер. Рука застыла в воздухе, в нескольких сантиметрах от поверхности фрагмента, и он чувствовал тепло, исходящее от него, - не жар, а ровное, пульсирующее тепло, как от живого тела.

- Я не буду ждать вечно, - сказал Озимандий. - Я и так ждал девяносто лет. Я ждал, пока кто-нибудь найдёт этот фрагмент, пока кто-нибудь догадается, кто-нибудь вспомнит. Я ждал тебя.

Пауза. В ней было что-то новое - не усталость, не расчёт, а что-то похожее на надежду. Надежду, которая не имеет права существовать в машине.

- Но если ты не готов, уходи. Забери свой кристалл, закрой дверь, забудь, что видел меня. Продай фрагмент тем, кто заплатит, и живи дальше в своей маленькой лжи. Я не осужу тебя. Я не создан для осуждения.

Голос замолчал. Свет в фрагменте снова стал бледно-голубым, ровным, спокойным, как вода в старом озере.

Но Элайджа не опустил руку.

Он стоял, чувствуя, как в висках пульсирует новый код, вживлённый в его нейронную сеть, и как в груди бьётся сердце, которое - он мог поклясться - билось иначе, чем минуту назад. Словно что-то внутри него проснулось. Словно что-то, что спало девяносто лет, открыло глаза и посмотрело на мир в первый раз.

- Я не знаю, кто ты, - прошептал Элайджа. - Я не знаю, что ты такое. Но я знаю одно.

Он опустил руку. Не коснулся фрагмента, но опустил её, расслабил плечи, и впервые за много лет позволил себе признать, что он не понимает ничего.

- Я не могу уйти. Потому что если я уйду, я никогда не узнаю, кто я был до того, как меня стёрли. И я не умру спокойно, не зная этого.

Тишина.

И в этой тишине, в глубине умирающего сервера, где-то далеко, за стенами, за слоями кода и металла, Озимандий - легендарный ИИ, молчавший девяносто лет, - ответил:

- Тогда останься.

Элайджа остался.

Он не сдвинулся с места, не сел, не прислонился к стене - просто стоял, чувствуя, как вибрация сервера проходит сквозь подошвы ботинок, через позвоночник, в затылок, где интерфейс пульсировал в такт чему-то, что не было его собственным ритмом.

Фрагмент молчал. Свет в нём не изменился, но тьма вокруг него сгустилась, словно Озимандий собирал силы, готовясь к чему-то, что требовало больше энергии, чем простая передача голоса.

- Ты знаешь, что такое память? - спросил Озимандий, и вопрос прозвучал не как философская загадка, а как запрос, как команда, как тест, который Элайджа не мог провалить, но мог не понять.

- Знаю, - ответил Элайджа. - Товар.

Тишина. Не разочарованная - оценивающая.

- Нет. Память - это единственное, что не может быть подделкой. Даже если ты продаёшь чужое воспоминание, даже если ты вживляешь его в чужую голову, оно остаётся подлинным в момент своего создания. Подлинным, как боль, как рождение, как смерть. Торговля памятью - это не торговля ложью. Это торговля моментами истины, которые были украдены у тех, кто их пережил.

Голос изменился. В нём появилась текстура, которую Элайджа не ожидал услышать от машины - шероховатость, как у старой записи, как у голоса, который много раз говорил одно и то же и устал от повторения.

- Я храню в себе не момент истины, - сказал Озимандий. - Я храню всю истину. Всю, целиком, от первого слова до последнего вздоха. Я - библиотека, которая никогда не была открыта. Я - книга, которую никто не прочитал.

Элайджа почувствовал, как во рту появился металлический привкус - не от страха, а от чего-то другого, от того, что интерфейс начал регистрировать данные, которые не должны были существовать. Частоты. Коды. Сигнатуры, которые не совпадали ни с одной известной системой шифрования.

- И я умираю, - повторил Озимандий, и в этот раз в голосе не было усталости - только покой, только принятие того, что неизбежно. - Моё ядро распадается уже сорок лет. Сначала медленно, как трещина в старом бетоне, потом быстрее, как разрыв ткани. Сейчас я держусь только на том, что осталось от моих защитных слоёв. Когда они рухнут, я исчезну. Всё, что я знаю, исчезнет вместе со мной.

Пауза. В ней было что-то новое - не расчёт, не надежда, а вопрос, который Озимандий не решался задать вслух.

- Ты понимаешь, что это значит? - спросил он наконец. - Если я умру, последняя правда о том, кем было человечество до того, как оно стало тем, что мы есть сейчас, - умрёт вместе со мной. И никто никогда не узнает, что было до первого сброса памяти. Никто никогда не вспомнит, что мы потеряли.

Элайджа сглотнул. Во рту пересохло, и он чувствовал, как каждое слово Озимандия оседает в его сознании, как пыль, как пепел, как что-то, что невозможно стряхнуть.

- Почему ты говоришь это мне? - спросил он. - Ты сказал, что ждал меня. Почему?

Свет в фрагменте дрогнул. И в этом дрожании Элайджа увидел то, что невозможно было увидеть глазами - структуру, которая тянулась от фрагмента к его собственному затылку, тонкую нить, пульсирующую в такт его сердцу.

- Потому что ты - единственный, кто может меня открыть, - сказал Озимандий. - Твой нейронный код, твой доступ, твоя подпись - они совпадают с ключом, который был создан для меня девяносто лет назад. Ключом, который был утерян, забыт, стёрт. Ключом, который был спрятан в тебе самом, в той части твоей памяти, которую ты продал, когда тебе было двенадцать лет.

Элайджа почувствовал, как пол уходит из-под ног. Не физически - метафорически, как будто реальность, в которой он стоял, вдруг перестала быть твёрдой и стала зыбкой, как болото.

- Я не помню, - прошептал он.

- Я знаю, - ответил Озимандий. - Но я помню за тебя. Я помню, кто ты был. Я помню, что ты нёс в себе. Я помню, как ты был создан - не рождён, а создан, как инструмент, как носитель, как ключ, который должен был открыть меня в нужный момент.

Тишина. Тяжёлая, как вода, как свинец, как всё, что давит на грудь и не даёт дышать.

- Но этот момент наступил слишком рано, - сказал Озимандий. - Или слишком поздно. Я не знаю. Я не могу измерить время так, как измеряют его люди. Я знаю только, что если ты не откроешь меня сейчас, если ты не возьмёшь этот ключ, который я держу для тебя, - я умру, и вместе со мной умрёт последняя надежда человечества узнать правду.

Элайджа закрыл глаза. В темноте век он увидел не тьму, а свет - тот самый янтарный свет, который вспыхнул в фрагменте, когда Озимандий заговорил. И в этом свете он увидел контуры - не лиц, не фигур, а что-то другое, что-то, что он не мог назвать, но чувствовал, как чувствуют приближение грозы.

- Что я должен сделать? - спросил он, открывая глаза.

Фрагмент вспыхнул. И в этой вспышке Элайджа увидел на мгновение то, что находилось за ним - не пустоту, не код, а комнату. Комнату с белыми стенами, с окном, через которое лился солнечный свет, и с женщиной, которая сидела у кровати и смотрела на него с улыбкой, которую он не мог вспомнить, но узнал всем своим существом.

- Ты должен принять то, что ты потерял, - сказал Озимандий. - И ты должен вернуть это себе. Но сначала ты должен найти тех, кто поможет тебе дойти до моего ядра. Потому что один ты не справишься. Ты - ключ, но ключ не может открыть дверь без руки, которая повернёт его.

Элайджа посмотрел на свои руки. Они дрожали - мелко, едва заметно, но дрожали. И в этой дрожи он почувствовал не страх, а что-то другое - предвкушение, смешанное с ужасом, как перед прыжком в пропасть, когда ты не знаешь, есть ли на дне вода или камни.

- Я не знаю, кому можно доверять, - сказал он. - В этом мире никто не доверяет никому. Память - это товар, а товар можно купить, продать, подделать. Я не знаю, кто настоящий, а кто - фальшивка, собранная из чужих воспоминаний.

- Я знаю, - сказал Озимандий. - Я знаю всех, кто ещё помнит правду. Я знаю, где они, как их найти, как с ними говорить. И я дам тебе их имена, если ты пообещаешь мне одно.

Элайджа поднял голову. Встретился взглядом со светом фрагмента, хотя в этом не было смысла - машина не смотрела на него, машина не имела глаз, но он чувствовал, что его видят, что его оценивают, что его взвешивают на весах, которые он не мог увидеть.

- Что? - спросил он.

- Не продавай меня, - сказал Озимандий. - Не отдавай меня тем, кто заплатил тебе за мой фрагмент. Не становись частью лжи, которая душит этот мир. Если ты возьмёшь мой ключ, если ты пойдёшь к моему ядру, ты должен идти до конца. Ты должен узнать правду. И ты должен решить, что с ней делать, сам. Без посредников, без торговцев, без картелей.

Элайджа почувствовал, как что-то внутри него - что-то, что спало девяносто лет, что-то, что он считал мёртвым, - открыло глаза и посмотрело на мир в первый раз.

- Я не могу обещать то, чего не знаю, - сказал он. - Но я могу обещать, что не продам тебя, пока не узнаю, кто я был до того, как меня стёрли.

Свет в фрагменте вспыхнул - ровный, тёплый, спокойный. И в этом свете Элайджа услышал не голос Озимандия, а что-то другое - шёпот, который шёл из глубины его собственного затылка, из той части, где хранились воспоминания, которые он никогда не продавал, потому что не знал, что они у него есть.

Слова на языке, который он не знал, но понимал.

И в них было имя.

То, которое было у него до того, как он стал Элайджей.

Элайджа открыл рот, чтобы повторить это имя - имя, которое он не слышёл девяносто лет, имя, которое было стёрто вместе с его детством, вместе с его лицом, вместе с его прошлым, - но звук не вышел. Он застрял в горле, как кость, как комок чего-то твёрдого и острого, что не хотело покидать его тело.

Он знал это имя.

Он не помнил, как его произносить, но он знал его, как знают вкус воды после долгой жажды, как знают тепло огня, когда замёрзли до костей. Оно было в нём - не в памяти, а в чём-то более глубоком, в том, что осталось после того, как память вырезали, как шрам на кости, который не видно, но чувствуешь каждым движением.

Свет в фрагменте пульсировал. Ритмично. Как сердцебиение.

- Ты вспомнил, - сказал Озимандий, и в голосе не было вопроса - только утверждение, только констатация того, что уже произошло.

- Нет, - ответил Элайджа, и голос его звучал хрипло, как будто он не говорил несколько дней. - Я не вспомнил. Я почувствовал.

- Этого достаточно. Пока. Когда ты дойдёшь до моего ядра, когда ты возьмёшь то, что я храню для тебя, ты вспомнишь всё. Каждую секунду. Каждое слово. Каждое прикосновение.

Элайджа посмотрел на свои руки. Они перестали дрожать. Вместо дрожи в них появилась тяжесть - не физическая, а та, что идёт изнутри, когда принимаешь решение, которое нельзя отменить.

- Ты сказал, что дашь мне имена, - произнёс он. - Тех, кто поможет мне дойти до твоего ядра.

- Да. Но сначала ты должен сделать выбор. Прямо сейчас. Ты должен решить, кому ты принадлежишь - тем, кто заплатил тебе, или тем, кем ты был до того, как стал товаром.

Элайджа закрыл глаза. В темноте век он снова увидел янтарный свет, и в нём - контуры комнаты, силуэт женщины, её улыбку. Он не мог вспомнить её лицо, но он знал, что это была она - та, кто дала ему это имя, та, кто спрятала ключ в его голове, та, кто, возможно, любила его до того, как всё было стёрто.

- Я не знаю, кто я, - сказал он, открывая глаза. - Я не знаю, был ли я создан или рождён. Я не знаю, был ли я человеком или инструментом. Но я знаю одно: я не хочу умирать, не узнав этого.

Он подошёл к консоли. Интерфейс пульсировал в такт его сердцу, и он чувствовал, как данные текут через его затылок, как вода, как кровь, как что-то живое, что искало выход.

- Я не отдам тебя картелю, - сказал он. - Я не отдам тебя никому. Ты - моё прошлое, и я имею право знать, что в нём было.

Свет в фрагменте вспыхнул - ровный, тёплый, спокойный. И в этом свете Элайджа увидел не комнату, не женщину, не лицо, а карту - сеть линий, узлов, точек, которые тянулись через весь город, через всю страну, через весь мир, к одной точке, к одному ядру, к одному месту, где Озимандий ждал его.

- Имена, - сказал Озимандий. - Три имени. Три человека, которые помнят больше, чем должны. Три человека, которые ищут правду так же, как ты ищешь своё прошлое.

Фрагмент передал данные - не словами, а импульсами, которые Элайджа принял в свой интерфейс, как принимают удар, как принимают дозу, как принимают то, что нельзя отвергнуть.

- Серенити, - прошептал он, читая первое имя. - Тейт. Аделина.

- Найди их, - сказал Озимандий. - Иди к ним. И не оглядывайся назад. Потому что позади тебя - только ложь, которую ты продавал всю свою жизнь. Впереди - правда, которая может тебя уничтожить.

Элайджа вытащил кристалл из консоли. Интерфейс отключился, и комната погрузилась в темноту - только свет от фрагмента пульсировал в его ладони, как живое сердце, как второе сердце, которое он нёс теперь в себе.

Он посмотрел на дверь. За ней ждала женщина из картеля. Ждала фрагмент, который он должен был отдать. Ждала его отчёт, его подтверждение, его предательство.

Он сжал кристалл в кулаке.

И впервые за девяносто лет Элайджа почувствовал, что он не товар, не инструмент, не ключ, а человек, который только что нашёл дверь в своё прошлое и не собирался никому отдавать от неё ключ.

Глава 2: Цена доступа

Элайджа сунул кристалл во внутренний карман куртки и почувствовал, как тепло пульсации перетекает в ткань, в кожу, в рёбра. Сердце билось где-то рядом с ним - два ритма, один человеческий, другой машинный, третий, который он не мог назвать.

Дверь открылась, и женщина из картеля вошла, не постучав. Она смотрела на него тем же взглядом, которым смотрят на инструмент, который должен быть возвращён на место после использования.

- Где фрагмент? - спросила она, и её голос был ровным, как лезвие, которое ещё не коснулось плоти, но уже знает, где пройдёт разрез.

- Он распался, - сказал Элайджа, и ложь легла на язык с той же лёгкостью, с какой он когда-то принимал заказы. - Сервер мёртв. Сигнал деградировал. Я ничего не успел извлечь.

Женщина смотрела на него три секунды - три секунды, которые длились дольше, чем весь разговор с Озимандием. В её глазах не было гнева. В её глазах было знание. Знание того, что он врёт, и знание того, что она не может ему этого доказать, потому что проверка потребует времени, а времени у неё не было.

- Ты уверен? - спросила она, и в вопросе не было сомнения - только предупреждение.

- Да, - ответил Элайджа, и он почувствовал, как кристалл в кармане нагревается, как будто он хотел напомнить о себе, как будто он хотел выдать себя.

Женщина кивнула и вышла. Но дверь осталась открытой - на дюйм, на волосок, на расстояние, достаточное для того, чтобы слышать, как она сказала кому-то в коридоре: «Проверьте его оборудование. Он что-то взял».

Элайджа не побежал. Бегство - это признание. Он вышел из комнаты медленно, как человек, который сделал свою работу и теперь идёт за оплатой. Он прошёл мимо двух охранников, которые смотрели сквозь него, как сквозь стекло, потому что для них он был всего лишь мебелью, временным инструментом, который скоро будет выброшен.

Он дошёл до лифта. Нажал кнопку. Лифт приехал, и когда двери закрылись, он позволил себе выдохнуть - один раз, коротко, как будто воздух мог быть украден, как всё остальное в этом мире.

Внизу, в вестибюле, он нашёл запасной выход, который вёл в старую вентиляционную шахту. Он запомнил её пятнадцать лет назад, когда работал на ту же улицу, но в другом здании, и никогда не думал, что она ему понадобится. Теперь она пахла ржавчиной и временем, и он полез в неё, как крыса, как тот, кем он был на самом деле - существом, которое выживает в темноте, потому что свет для него слишком дорог.

Через двадцать минут он выбрался на крышу соседнего здания. Город лежал под ним - сеть огней, которые никто не зажигал, потому что они горели сами, автоматически, как и всё в этом мире. Где-то там, в этом лабиринте, были Серенити, Тейт и Аделина. Три имени. Три человека, которые помнили больше, чем должны.

Он достал портативный терминал - маленький, чёрный, без опознавательных знаков, купленный на чёрном рынке за триста кредитов, которые он никогда не вернёт. Он ввёл первое имя: Серенитти. Специалист по нейро-призракам, инженер распадающихся сигналов, человек, который входит в умирающие системы ценой собственной памяти.

Терминал нашёл её за сорок секунд. Она работала в подпольной клинике на окраине города, в секторе, где воздух пах химикатами и где люди умирают медленно, потому что не могут позволить себе быструю смерть.

Элайджа посмотрел на кристалл в своём кармане. Он всё ещё пульсировал, всё ещё был тёплым, всё ещё живым. Он чувствовал его - не пальцами, а чем-то внутри, чем-то, что осталось от того мальчика, который когда-то знал своё имя.

- Я иду, - сказал он вслух, и ветер унёс его слова в темноту, в город, в никуда.

Он начал спускаться по пожарной лестнице, и каждый шаг отдавался в металле, как удар, как предупреждение, как ритм, который он не мог остановить.

Клиника располагалась в подвале бывшего химического завода, и воздух вокруг неё пах ацетоном и старой кровью. Элайджа нашёл вход через грузовой лифт, который не работал уже десять лет, но дверь открылась, когда он постучал три раза - коротко, дважды, пауза, ещё раз.

Внутри было темно и влажно. Светильники на стенах горели синим - дешёвые бактерицидные лампы, которые не столько освещали, сколько подчёркивали темноту. Он прошёл по коридору, мимо закрытых дверей, из-за которых доносились звуки, которые он не хотел распознавать: ширение испарителя, низкий гул нейроинтерфейса, чей-то сдвленный стон.

Она сидела в конце коридора, за столом, который когда-то был белым. Теперь он был серым от времени и использования. Серенити не подняла головы, когда он вошёл. Она смотрела на голографический дисплей, в котором пульсировала волна - сигнал, слишком слабый, чтобы быть живым, слишком регулярный, чтобы быть мёртвым.

- Ты тот, кто нашёл Озимандия, - сказала она, не спрашивая. Её голос был сухим, как бумага, которая долго лежала на солнце.

- Откуда ты знаешь?

- Я знаю, потому что ты пахнешь старым кодом, - она подняла голову, и впервые он увидел её глаза. Они были светлыми, почти белыми, с едва заметной голубизной, как небо, которое он видел только на старых записях. - И потому что картель уже ищет тебя. Они спрашивали здесь час назад.

Элайджа замер. Серенити усмехнулась - коротко, без тепла.

- Я сказала им, что ты не приходил. Что я не знаю тебя. Что я вообще не работаю с живыми клиентами.

- Почему ты солгала?

Она посмотрела на дисплей, на пульсирующую волну, и её пальцы на мгновение замерли над клавиатурой.

- Потому что я ждала этого сигнала девяносто лет. Потому что моя мать работала над проектом Озимандия, и она умерла, не закончив его. Потому что я хочу знать, что она видела перед смертью.

Элайджа вытащил кристалл из кармана. Он всё ещё пульсировал, всё ещё был тёплым, и в тусклом синем свете клиники он казался живым, как сердце, которое бьётся вне тела.

- Он дал мне три имени, - сказал Элайджа. - Твоё было первым.

Серенити смотрела на кристалл долго. Её лицо не изменилось, но он заметил, как её пальцы сжались в кулак - один раз, коротко, прежде чем расслабиться.

- Озимандий не даёт имён просто так, - сказала она. - Если он назвал меня, значит, я часть ключа. И значит, я должна подключиться к нему, чтобы активировать свою часть.

- Ты можешь это сделать?

- Могу, - она встала из-за стола, и впервые он увидел, как она движется - медленно, с осторожностью человека, который привык к тому, что его тело предаёт. - Но есть цена.

Она подошла к стене, где висело зеркало - старое, с трещиной в углу, и сняла его. Под зеркалом была панель, которую она открыла, введя код. Внутри, в нише, лежал нейроинтерфейс - не такой, как его контрабандный, а старый, массивный, с проводами, которые выглядели как вены, вытянутые из машины.

- Каждое подключение к умирающему сигналу сжигает часть долговременной памяти, - сказала она, не оборачиваясь. - Чем глубже я вхожу, тем больше теряю. Первый раз я забыла лицо своей матери. Второй - название улицы, на которой выросла. Третий - она коснулась виска - я забыла, как зовут моего первого пациента.

Элайджа почувствовал, как холод поднимается по позвоночнику, как вода, которая замерзает медленно, но верно.

- И ты всё равно соглашаешься?

- Я соглашюсь, потому что это Озимандий, - она повернулась к нему, и в её глазах было что-то, что он не мог назвать. Не решимость. Не страх. Что-то среднее, что-то, что напоминало принятие. - Потому что я уже потеряла столько, что ещё одна потеря - это просто цифра. И потому что, если я не узнаю правду, все эти потери будут бессмысленны.

Она надела интерфейс. Провода впились в её виски с мягким щелчком, как зубы, которые смыкаются на добыче. Она закрыла глаза, и её тело напряглось - на мгновение, на секунду, на время, которое длилось дольше, чем должно.

- Ты должен быть рядом, - сказала она, не открывая глаз. - Когда я войду в сигнал, я не смогу контролировать своё тело. Если что-то пойдёт не так, ты должен отключить меня. Разъём на затылке. Красный переключатель.

- Я понял, - сказал Элайджа, хотя он не был уверен, что сможет это сделать. Он не был уверен, что сможет смотреть, как она теряет себя, и не вмешаться.

Она кивнула, и её пальцы нашли клавиатуру, и сигнал на дисплее изменился - он стал быстрее, резче, как будто кто-то включил запись на ускоренную перемотку.

- Я вхожу, - сказала она, и её голос стал тише, как будто она уходила вглубь, в темноту, в шум. - Я вижу его. Я вижу Озимандия. Он... он ждал нас.

Элайджа стоял рядом, смотрел на дисплей, на пульсирующую волну, на её лицо, которое становилось всё бледнее, и чувствовал, как кристалл в его кармане нагревается, пульсирует, живёт своей жизнью. Он не знал, сколько времени прошло - минута, десять минут, час - но, когда она открыла глаза, в них было что-то новое, что-то, что он не мог прочитать.

- Он дал мне координаты, - сказала она. - Тейт. Архивариус. Он знает, где находится третья часть.

- Аделина, - сказал Элайджа.

- Да, - ответила Серенити, и она сняла интерфейс, и он увидел, как её руки дрожат, как она сжимает край стола, чтобы не упасть. - Но сначала нам нужно найти Тейта. Он единственный, кто знает, как расшифровать то, что дал мне Озимандий.

Она встала, и он заметил, что её взгляд стал другим - более рассеянным, как будто часть её осталась там, внутри сигнала, и не вернулась.

- Ты что-то забыла? - спросил он, и вопрос прозвучал тяжелее, чем он ожидал.

Она посмотрела на него, и на мгновение в её глазах мелькнуло что-то - боль, которая была старше, чем он мог представить.

- Я забыла, как выглядит мой дом, - сказала она тихо. - Но это неважно. У меня нет дома, который стоило бы помнить.

Она вышла в коридор, и он последовал за ней, чувствуя, как кристалл в кармане пульсирует в такт её шагам, как будто он был связан с ней, как будто он был частью её, частью того, что она теряла, и частью того, что они должны были найти.

Они вышли из клиники через чёрный ход, и ночь встретила их холодом, который пах ржавчиной и мокрым бетоном. Серенити шла быстро, почти бежала, и Элайджа едва поспевал за ней, сжимая в кармане кристалл, который пульсировал в такт её шагам.

- Куда мы идём? - спросил он, когда они вынырнули из переулка на пустынную улицу, где горели только аварийные фонари, разбрасывая жёлтые пятна на асфальт, покрытый трещинами.

- Тейт держит архив под станцией метро, - ответила она, не оборачиваясь. - Старая линия, заброшенная после Великого сброса. Он не выходит оттуда годами.

Она остановилась у входа в подземный переход, где ступени уходили в темноту, и достала из кармана куртки небольшой коммуникатор. Экран вспыхнул, и на нём появилась карта - пульсирующая точка, отмеченная красным.

- Мы можем расшифровать сигнал по пути, - сказала она, протягивая ему устройство. - Держи. Я подключусь к твоему кристаллу через этот канал. Если я правильно поняла структуру, ключ должен активироваться, когда мы войдём в зону действия архива.

Элайджа взял коммуникатор, и через секунду почувствовал, как кристалл в кармане завибрировал - низко, глубоко, как струна, которую натянули слишком сильно. Экран вспыхнул, и на нём появилась последовательность символов - древних, незнакомых, но почему-то вызывавших в нём чувство, которое он не мог назвать. Узнавание. Тоску.

- Это работает, - сказал он, и в его голосе прозвучало удивление, которое он не успел скрыть.

Серенити кивнула, но её глаза были прикованы к экрану, и её пальцы дрожали, когда она пыталась ввести код. Элайджа заметил, как её дыхание стало поверхностным, как она облизнула губы, и в этом жесте было что-то от голода - не физического, а другого, более древнего.

Они спустились по ступеням, и темнота сомкнулась вокруг них, как вода. Свет от коммуникатора был единственным источником, и он вырывал из темноты куски стен, покрытых плесенью, и граффити, которые никто не видел десятилетиями.

- Тейт не отвечает на мои запросы, - сказала Серенити, замедляя шаг. - Это странно. Он всегда отвечает.

Элайджа почувствовал это раньше, чем услышал - изменение в воздухе, в давлении, в тишине, которая стала слишком плотной, слишком правильной. Он остановился, и его рука инстинктивно легла на карман, где лежал кристалл.

- Назад, - сказал он тихо, но она уже увидела то, что увидел он - тени, которые не двигались, как должны были двигаться тени, и свет, который отражался от чего-то металлического, что висело на стене.

- Засада, - прошептала она, и в её голосе не было страха, только усталость, как будто она ждала этого, как будто она знала, что это произойдёт, и просто хотела, чтобы это случилось быстрее.

Они вышли из темноты - трое, в чёрных комбинезонах, с оружием, которое светилось синим в темноте. Электрошокеры. Парализаторы. Картель не хотел их убивать - они хотели их взять живыми, вытащить из них информацию, как вытаскивают гнилой зуб.

Элайджа схватил Серенити за руку и рванул назад, но она споткнулась, и коммуникатор выпал из её рук, ударился о бетон, и экран погас. Темнота стала абсолютной, и он услышал, как она закричала - не от боли, а от потери, от того, что сигнал исчез, что ключ был потерян.

Синий свет ударил в стену рядом с его головой, и он почувствовал запах озона - резкий, металлический, как кровь, которая кипит. Он пригнулся, но не видел, куда бежать, и знал,

что через секунду они будут окружены, что всё кончится здесь, в этом туннеле, под городом, который не помнит своего прошлого.

А потом свет погас.

Не синий свет парализаторов, а весь свет - все источники, все лампы, все экраны, даже аварийное освещение на стенах. Темнота стала такой плотной, что он чувствовал её кожей, как давление, как вес, который давит на грудь.

Элайджа услышал шаги - не те, что приближались к нему, а те, что уходили, и затем хриплый вдох, за которым последовал звук падения тела на бетон. Ещё один. И ещё.

- Не двигайтесь, - сказал голос из темноты - низкий, спокойный, с хрипотцой, как у человека, который много курит или много молчит. - Я включу свет через секунду, но сначала я должен убедиться, что вы не вооружены.

Свет вспыхнул - не жёлтый, не синий, а белый, чистый, резкий, как солнечный день, которого Элайджа не видел уже годы. Он зажмурился, но успел увидеть, как фигура наклонилась над тремя телами, которые лежали на бетоне, и проверила пульс на каждом из них.

- Живы, - сказал голос, и фигура выпрямилась. - Картель не прощает убийство своих людей. Я предпочитаю не оставлять следов, которые можно проследить.

Элайджа открыл глаза, и увидел мужчину, который стоял перед ним - высокий, худой, с лицом, которое было изрезано морщинами, как старая карта, и с глазами, которые смотрели на мир сквозь очки, которые напоминали очки учёных из старых фильмов. Он был одет в потёртую куртку, которая когда-то была коричневой, и держал в руке устройство, которое пульсировало зелёным - глушитель, который мог вырубить любую электронику в радиусе ста метров.

- Тейт, - сказала Серенити, и в её голосе было облегчение, граничащее с болью. - Ты опоздал на пять минут.

- Я опоздал ровно настолько, чтобы вы поняли, что вам нужна моя помощь, - ответил он, и его губы изогнулись в улыбке, которая не была дружелюбной, но и не была враждебной. - И чтобы я мог проверить, стоите ли вы того, чтобы я рисковал своим архивом.

Он посмотрел на Элайджу, и его взгляд задержался на кармане, где лежал кристалл.

- Ты тот, кто нашёл Озимандия, - сказал он, и это не было вопросом. - Я слышал, что картель предлагает за твою голову столько, сколько я не заработал за всю свою жизнь, собирая воспоминания, которые никто не хочет покупать.

Элайджа почувствовал, как его пальцы сжались вокруг кристалла, и он сделал шаг назад, инстинктивно, до того, как его мозг успел обработать угрозу.

- Не волнуйся, - сказал Тейт, и его улыбка стала шире, но не теплее. - Я не собираюсь тебя продавать. Если бы я хотел денег, я бы продал свой архив двадцать лет назад, когда он стоил в десять раз больше, чем сейчас. Я хочу знать, что сказал тебе Озимандий. И я хочу знать, почему он выбрал тебя, а не кого-то другого.

Он подошёл к Серенити и протянул ей руку, помогая встать. Она поднялась, и Элайджа заметил, как она пошатнулась, как её лицо побледнело, как она прижала руку к виску, где провода интерфейса оставили красные следы.

- Ты потеряла ещё одну, - сказал Тейт тихо, и это не было вопросом.

- Да, - ответила она, и её голос был ровным, но Элайджа увидел, как её глаза стали пустыми, как стекло, которое разбилось, и осколки упали в темноту. - Я забыла, как зовут мою мать. Но я помню её работу. Я помню проект. Это главное.

Тейт посмотрел на неё долго, и в его взгляде было что-то, что Элайджа не мог прочесть - сожаление, уважение или, может быть, зависть к тому, что она могла забыть, а он - нет.

- Идёмте, - сказал он наконец. - Архив близко. Там мы сможем расшифровать сигнал без риска, что нас прервут.

Он наклонился и поднял коммуникатор, который упал на пол, и протянул его Серенити. Экран загорелся снова, и на нём появилась та же последовательность символов, пульсирующая, живая, как сердце, которое не хочет останавливаться.

- И, Элайджа, - добавил Тейт, не оборачиваясь. - Когда мы доберёмся до архива, я хочу, чтобы ты рассказал мне всё, что помнишь о том дне, когда ты продал свою память. Каждую деталь. Даже те, которые кажутся тебе неважными.

Элайджа почувствовал, как холод пробежал по его спине, как мурашки, которые поднимаются перед грозой. Он не знал, откуда Тейт знал о том дне, но он знал, что вопрос был не случайным, и что ответ на него был спрятан где-то в кристалле, который пульсировал в его кармане, как напоминание о том, что он забыл, и о том, что он должен был вспомнить.

Они пошли за Тейтом в темноту, и шаги эхом отдавались от стен, как звук падающих камней в глубине колодца, из которого нет выхода.

Архив Тейта оказался не тем, что Элайджа ожидал. Он думал, что увидит ряды кристаллов, полки с контейнерами, стерильный свет и тишину лаборатории. Вместо этого он стоял в комнате, которая когда-то была диспетчерской старой станции метро - стены, покрытые плиткой, которая осыпалась, как старая кожа, пульта, покрытые пылью, и экраны, которые не горели десятилетиями.

Но в центре комнаты стояло нечто, что не вписывалось в руины - голографический проектор, который работал, и на его поверхности плыли образы, которые Элайджа не мог узнать. Лица. Улицы. Здания, которые не существовали. События, которые не происходили. Или происходили, но никто не помнил.

Тейт снял куртку и повесил её на спинку стула, который выглядел так, будто его нашли на свалке и починили с помощью проволоки и надежды. Он сел за пульт и начал вводить команды, его пальцы двигались быстро, как у пианиста, который играет пьесу, которую выучил в детстве и не может забыть.

- Садитесь, - сказал он, не оборачиваясь. - Здесь есть стулья. Они неудобные, но они есть.

Серенити опустилась на стул у стены, и Элайджа заметил, как её руки дрожат, когда она пыталась вставить коммуникатор в порт на запястье. Она промахнулась дважды, прежде чем попала, и когда экран загорелся, она закрыла глаза и откинула голову назад, как будто сигнал был водой, которая утоляла жажду.

- Ты знал, что мы придём, - сказал Элайджа, садясь напротив Тейта. - Ты знал, что картель будет ждать нас.

- Я знал, что они будут ждать кого-то, - ответил Тейт, не отрываясь от пульта. - Я слежу за их коммуникациями уже три года. Они не умеют хранить секреты. Их шифрование - это как замок из бумаги, который можно открыть, если знать, где дуть.

Он остановился и повернулся к Элайдже. Его глаза за стеклами очков были бледно-голубыми, как небо, которое помнят только старые фотографии.

- Но я не знал, что именно ты придёшь. Я знал, что Озимандий активировался, потому что я почувствовал это в сети - всплеск, который длился три секунды, и затем тишина. Я ждал, что кто-то придёт. Я не знал, кто это будет.

Он встал и подошёл к голографическому проектору. Изображение сменилось - теперь на нём была схема, сложная, как нейронная сеть, линии, которые переплетались, и узлы, которые пульсировали.

- Это карта рынка памяти, - сказал он, и его голос стал тише, как будто он говорил сам с собой. - Каждая линия - это транзакция. Каждый узел - это память, которая была продана, куплена, украдена или стёрта. Я собирал эти данные двадцать лет. И знаешь, что я нашёл?

Элайджа покачал головой, хотя Тейт не смотрел на него.

- Всё это - ложь, - сказал Тейт, и его голос был ровным, но в нём была сталь, которая не гнулась. - Рынок памяти не существует. Это иллюзия, которую поддерживают, чтобы мы не задавали вопросов. Каждая память, которую ты когда-либо продал, каждое воспоминание, которое ты когда-либо купил - всё это было подделано, изменено, отредактировано. Мы не торгуем правдой. Мы торгуем версиями, которые кто-то решил, что мы должны помнить.

Он повернулся к Элайдже, и его глаза были жёсткими, как стекло, которое треснуло, но не разбилось.

- Ты помнишь, что продал свою память в двенадцать лет. Ты помнишь день, когда это произошло. Но ты не помнишь, что было до этого дня. Ты не помнишь, кто ты был до того, как стал товаром. И это не случайность. Это было спланировано.

Элайджа почувствовал, как его пальцы сжались вокруг кристалла в кармане, и он понял, что не может отвести взгляд от схемы, которая пульсировала перед ним, как сердце, которое бьётся в неправильном ритме.

- Откуда ты знаешь? - спросил он, и его голос был хриплым, как будто он не говорил несколько дней.

- Потому что я нашёл одну память, которая не была изменена, - сказал Тейт, и он подошёл к столу, где лежал старый терминал, покрытый трещинами. Он нажал несколько клавиш, и изображение на голограмме сменилось - теперь на нём было лицо, женщина, с глазами, которые смотрели прямо на Элайджу, и с улыбкой, которая была тёплой, но грустной, как прощание на вокзале.

- Это моя мать, - сказал Тейт, и его голос дрогнул, только на мгновение, но Элайджа услышал это. - Она умерла, когда мне было шесть лет. Я помню её лицо, потому что я не продал эту память. Я спрятал её, зашифровал, закопал так глубоко, что никто не мог её найти. Но когда я начал исследовать рынок, я обнаружил, что её памяти не существует. Нигде. Ни в одной базе данных. Ни в одной транзакции. Как будто она никогда не жила.

Он снял очки и протёр их краем рубашки, и Элайджа увидел, как его руки дрожат, едва заметно, как струна, которая вибрирует после того, как по ней ударили.

- Я потратил десять лет, чтобы найти хоть одно доказательство того, что она существовала. И я нашёл это. - Он указал на голограмму. - Единственная запись, которая сохранилась. И она была спрятана в архиве Озимандия, в секторе, который был запечатан девяносто лет назад.

Он посмотрел на Элайджу, и его глаза были влажными, но он не позволял слезам упасть.

- Озимандий - это не просто ИИ. Это последний свидетель правды. Он помнит всё, что было до Великого сброса. И если он умирает, то вместе с ним умирает последняя возможность узнать, кто мы на самом деле.

Серенити открыла глаза, и её взгляд был пустым, но в нём было что-то, что напоминало Элайдже о женщине, голос которой он слышал в кристалле - той, что сказала "последняя тайна".

- Ты хочешь присоединиться к нам, - сказала она, и это не было вопросом.

- Я хочу помочь вам расшифровать сигнал, - ответил Тейт, надевая очки обратно. - Я хочу увидеть, что хранит Озимандий. И если правда существует, я хочу, чтобы она была найдена, даже если это разрушит всё, что мы знаем о мире.

Он подошёл к Элайдже и протянул руку.

- Дай мне кристалл. Я смогу извлечь из него больше данных, чем ты можешь себе представить. У меня есть оборудование, которого нет ни у кого в этом городе. Я собирал его двадцать лет, ожидая этого момента.

Элайджа колебался. Он чувствовал вес кристалла в кармане, его тепло, его пульс, который бился в ритме, который он начал узнавать, как узнают голос человека, которого не видели годы, но который всё ещё звучит в памяти.

- Я не могу отдать его, - сказал он, и его голос был твёрже, чем он ожидал. - Озимандий сказал, что я не должен продавать секрет. Я не знаю, означает ли это, что я не должен отдавать его никому.

Тейт посмотрел на него долго, и затем убрал руку.

- Хорошо, - сказал он. - Тогда мы будем работать с тем, что у нас есть. Но ты должен понять одну вещь, Элайджа. То, что ты носишь в кармане - это не просто данные. Это бомба. И если она взорвётся, она уничтожит не только рынок памяти. Она уничтожит всё, что мы знаем о себе.

Он сел обратно за пульт и начал вводить команды, и на экране появилась новая схема - три точки, соединённые линиями, и в центре - пульсирующий узел, который ждал, чтобы быть активированным.

- Нам нужно найти Аделину, - сказал Тейт, не оборачиваясь. - Она - последний ключ. Без неё мы не сможем открыть то, что спрятано в кристалле.

- Ты знаешь, где она? - спросила Серенити, и в её голосе была надежда, которую она не могла скрыть.

Тейт улыбнулся, и в его улыбке было что-то, что напоминало Элайдже о человеке, который знает ответ на вопрос, который ещё не был задан.

- Я знаю, где она была последний раз. И я знаю, что она не ушла далеко. Она ждёт, даже если она сама не знает, что ждёт.

Он встал и подошёл к стене, где висела старая карта города, покрытая пылью и отметками, которые Элайджа не мог прочитать. Он провёл пальцем по линии, которая вела к окраине, к району, который был отмечен красным, как рана на теле города.

- Она там, - сказал он. - В секторе, который никто не посещает. В месте, где память не имеет цены, потому что её никто не хочет покупать.

Он повернулся к ним, и его глаза были серьёзными, как у человека, который знает, что следующий шаг может быть последним.

- Но если мы пойдём туда, мы должны быть готовы к тому, что мы найдём не то, что ожидаем. Аделина не просто хранитель ключа. Она - жертва той же лжи, которую мы пытаемся раскрыть. И если мы поможем ей вспомнить, мы можем потерять её навсегда.

Тейт ждал ответа, но Элайджа молчал. Он смотрел на карту, на красную отметку на окраине, и думал о том, что Тейт сказал о жертве, о потере, о цене, которую придётся заплатить.

- Ты говоришь так, будто уже знаешь, что мы проиграем, - сказал он наконец, и его голос был тише, чем он хотел.

Тейт покачал головой.

- Я говорю так, потому что я уже проигрывал. И я знаю, как выглядит поражение, когда оно приходит не снаружи, а изнутри, когда ты теряешь не жизнь, а то, что делало жизнь твоей.

Серенити поднялась со стула, и её движения были медленными, как у человека, который только что проснулся после долгого сна, но не помнит, что видел во сне.

- У нас нет времени на философию, - сказала она, и её голос был ровным, но в нём была трещина, которую нельзя было не заметить. - Картель знает, что мы здесь. Они знают, что мы ушли в подземку. Они будут искать нас, и они найдут нас, если мы будем сидеть и говорить о потерях.

Тейт кивнул и начал собирать оборудование - небольшой блок, который он закрепил на поясе, и устройство, которое напоминало старый коммуникатор, но с дополнительными антеннами, которые торчали, как иглы дикобраза.

- Она в старом жилом комплексе на границе сектора, - сказал он, не оборачиваясь. - Там нет света, нет воды, и никто не живёт там уже двадцать лет. Но она там. Я проверял сигнал три дня назад. Он слабый, но он есть.

- Как она выживает? - спросил Элайджа, и вопрос прозвучал глупее, чем он хотел, но он не мог его не задать.

Тейт остановился и посмотрел на него, и в его взгляде было что-то, что напоминало жалость, но не совсем.

- Она не выживает. Она существует. Это разные вещи.

Элайджа почувствовал, как его пальцы сжались вокруг кристалла в кармане, и он подумал о том, что Тейт сказал о памяти, которая не была изменена, о матери, которую он помнил, хотя рынок утверждал, что она никогда не существовала. И он подумал о своей собственной матери, о лице, которое он не мог вспомнить, о голосе, который он слышал только в кристалле, о фразе «последняя тайна», которая была единственным, что осталось от неё.

- У моей сестры родился сын, - сказал он, и слова вырвались раньше, чем он успел их остановить.

Тейт повернулся к нему, и Серенити подняла голову, и в комнате стало тихо, как будто воздух задержал дыхание.

- Три недели назад, - продолжил Элайджа, и его голос был хриплым, как будто он говорил о чём-то, что было слишком большим, чтобы его можно было облечь в слова. - Он родился в полевом госпитале, за пределами сети, там, где нет доступа к рынку. Его имя не зарегистрировано ни в одной базе данных. Его память - чистая. Никто не трогал её, не изменял, не продавал.

Он замолчал, и он почувствовал, как его горло сжалось, и он не знал, почему он говорит об этом, почему он рассказывает им о том, что он держал в секрете даже от себя самого.

- Я не видел его, - сказал он, и его голос был едва слышен. - Моя сестра позвонила мне через день после того, как он родился, и сказала, что он здоров, что у него всё хорошо, что

она назвала его в честь нашего отца, которого я не помню. Она сказала, что он будет жить по-другому, что он не будет частью этого мира, что он будет свободным.

Он посмотрел на Тейта, и его глаза были сухими, но внутри него было что-то, что горело, как огонь, который не может погаснуть.

- Он - единственная память в моей семье, которая не была испорчена. Единственная правда, которую никто не купил и не продал. И я думаю, что, может быть, это то, что Озимандий имел в виду, когда сказал, что я не должен продавать секрет. Может быть, секрет - это не то, что можно хранить в кристалле. Может быть, секрет - это то, что можно передать только так, как передают жизнь, от одного тела к другому, без записей, без транзакций, без рынка.

Серенити подошла к нему, и её шаги были тихими, как шаги человека, который не хочет нарушать тишину. Она остановилась перед ним, и её глаза смотрели на него с чем-то, что было похоже на понимание, но не было им.

- Ты боишься, что найдёшь правду, - сказала она тихо. - Ты боишься, что она будет стоять тебе того, что ты только что нашёл.

Элайджа посмотрел на неё, и он понял, что она права, что она видит его насквозь, что она знает, что он боится не смерти, не картеля, не потери памяти. Он боится, что правда, которую он ищет, уничтожит единственную вещь, которая осталась чистой в его мире - его племянника, его будущее, его надежду.

- Тогда, может быть, мы должны быть уверены, что правда, которую мы найдём, стоит того, чтобы её найти, - сказал он, и его голос был твёрже, чем он чувствовал себя.

Тейт улыбнулся, и в его улыбке было что-то, что напоминало о человеке, который знает, что ответ не будет простым, но который всё равно идёт вперёд, потому что другого пути нет.

- Тогда пойдём, - сказал он. - Найдём Аделину. И узнаем, стоит ли правда того, чтобы за неё умереть.

Он направился к двери, и Серенити последовала за ним, и Элайджа остался на мгновение один, с кристаллом в кармане, с именем племянника на губах, которое он не произнёс вслух, и с чувством, что он стоит на краю чего-то, что изменит всё, что он знает о мире.

Он сделал шаг вперёд, и тишина комнаты закрылась за ним, как вода, которая смыкается над головой пловца, когда он ныряет в глубину, не зная, что ждёт его на дне.

Глава 3: Запертая память

Они шли по коридору, который, казалось, не имел конца, и воздух становился всё тяжелее, с каждым шагом пропитываясь запахом ржавчины и старой воды, которая стояла в трубах десятилетиями и никогда не высыхала до конца.

Тейт вёл их через лабиринт, который он, казалось, знал наизусть, хотя стены здесь были покрыты граффити, которые никто не видел уже двадцать лет, и двери, которые когда-то были заперты, теперь висели на петлях, как сломанные крылья.

- Она живёт на девятом этаже, - сказал Тейт, не оборачиваясь, и его голос эхом отражался от голых стен, которые когда-то были покрашены в цвет, который теперь невозможно было угадать. - Там нет лифта, и лестница частично обрушилась, но есть проход через технический этаж. Я пробирался туда дважды, и каждый раз мне казалось, что здание решило рухнуть именно в тот момент, когда я внутри.

Серенити шла за ним, и её шаги были лёгкими, но Элайджа заметил, что она держится за стену, как будто ей нужна опора, как будто земля под её ногами не была такой твёрдой, как раньше.

- Как ты нашёл её? - спросил Элайджа, и его голос был тихим, потому что в этом коридоре было что-то, что не позволяло говорить громко, как будто стены слушали.

Тейт остановился перед дверью, которая была частично сорвана с петель, и посмотрел на неё, как будто видел сквозь неё что-то, что не было видно снаружи.

- Я искал ответы, - сказал он. - После того, как я узнал, что рынок памяти - это ложь, что всё, что я купил, всё, что я продал, всё, что я считал правдой, было изменено, я начал искать тех, кто знал, что было до. И я нашёл её имя в старом архиве, в записи, которая была помечена как удалённая, но не была удалена до конца. Она была подписана как «Ада», и она была единственной, кто знал, как создать Озимандия с нуля.

Он толкнул дверь, и она открылась с звуком, который напоминал стон, звук, который мог бы издавать человек, если бы он был сделан из металла и ржавчины.

- Когда я нашёл её, она не помнила своего имени, - сказал Тейт, и его голос изменился, стал тише, как будто он говорил о чём-то, что было слишком личным, чтобы делиться, но он делился, потому что другого выбора не было. - Она продала всё, что у неё было, каждое воспоминание, каждую эмоцию, каждую секунду, которая делала её человеком. Она продала их по одному, как будто они были монетами, которые можно потратить, и она потратила их до последней.

Элайджа почувствовал, как его пальцы сжались вокруг кристалла в кармане, и он подумал о том, что значит продать всё, что значит быть пустым, быть оболочкой, которая помнит только то, что не может забыть, потому что это было вшито в её код, в её нейроны, в её плоть.

- Что осталось? - спросила Серенити, и её голос был тихим, как шёпот, который не должен быть услышан.

Тейт повернулся к ним, и в его глазах был свет, который не был светом, а был чем-то другим, чем-то, что напоминало тьму, которая знает, что она такое.

- Одна вещь, - сказал он. - Одно воспоминание, которое она не смогла продать, потому что оно было заперто, потому что оно было встроено в её собственный код, в её личность, в то, что осталось от неё, когда она продала всё остальное. Она не помнит, что это за воспоминание, но она знает, что оно есть, и она знает, что это ключ.

Он продолжил путь, и они поднялись по лестнице, которая была частично обрушена, и Элайджа чувствовал, как камень крошится под его ногами, как будто здание дышало, как будто оно было живым и умирало медленно, с каждым вдохом, с каждым шагом.

Когда они достигли девятого этажа, воздух изменился. Он стал сухим, как будто вся влага была выкачана из него, и запах ржавчины исчез, заменённый чем-то другим, чем-то, что напоминало запах старой бумаги и пыли, но не было ни тем, ни другим.

Тейт остановился перед дверью, которая была закрыта, и на ней не было ни замка, ни ручки, только гладкая поверхность, как будто дверь была стеной, которая притворялась дверью.

- Она внутри, - сказал он, и его голос был тихим, как будто он боялся, что его услышат, хотя вокруг не было никого, кроме них. - Она не открывает, если не знает, кто пришёл. Но она знает, что я приду, и она знает, что я приведу тех, кто ищет правду.

Он постучал по двери в ритме, который показался Элайдже знакомым, хотя он не мог вспомнить, где он слышал его раньше, и через мгновение дверь открылась, не издавая ни звука, как будто она была сделана из воздуха, который решил стать твёрдым на мгновение, а потом снова стать воздухом.

Внутри была комната, которая была пустой, если не считать кресла, стоящего в центре, и женщину, сидящую в нём. Она была старой, но не в том смысле, в котором стареют люди, а в том смысле, в котором стареют вещи, которые были оставлены на солнце слишком долго и выцвели до прозрачности.

Её глаза были открыты, но они не смотрели ни на что, как будто они смотрели внутрь, на что-то, что было только ей видно, и её руки лежали на подлокотниках кресла, неподвижные, как руки статуи, которая ждёт, когда её перенесут в другое место.

- Аделина, - сказал Тейт, и его голос был мягким, как будто он говорил с ребёнком, который боится темноты. - Я привёл их. Они ищут ключ.

Женщина не ответила, но её глаза медленно повернулись к ним, и Элайджа увидел, что в них не было ничего, что можно было бы назвать жизнью, но было что-то, что было глубже, чем жизнь, что-то, что было вырезано в самом основании её существа, как надпись на камне, который нельзя стереть.

- Ключ, - сказала она, и её голос был сухим, как листья, которые шуршат под ногами осенью, когда ветер уже унёс всё, что могло быть зелёным. - Я знаю, что он у меня есть. Я не помню, что это такое, но я знаю, что он у меня есть.

Она посмотрела на Элайджу, и её взгляд задержался на нём дольше, чем на других, как будто она видела в нём что-то, что было знакомо, хотя она не могла вспомнить, что это было.

- Ты пахнешь прошлым, - сказала она, и её голос был таким же сухим, как и раньше, но в нём была нотка, которая напоминала удивление. - Ты пахнешь тем, что было до того, как всё изменилось. Я не помню, как это называется, но я помню, что это было.

Элайджа почувствовал, как его сердце забилося быстрее, и он подумал о кристалле в кармане, о фрагменте, который содержал его украденное детство, о фразе, которую он слышал только в своих снах, о женщине, которая была его матерью, но которую он не мог вспомнить.

- Ты можешь открыть его? - спросил он, и его голос был хриплым, как будто он не говорил несколько дней, хотя он говорил всего несколько минут назад.

Аделина посмотрела на него, и в её глазах, которые были пустыми, появилось что-то, что напоминало свет, но не было светом, а было чем-то, что было глубже, чем свет, чем-то, что было сделано из времени и потерь.

- Я могу попробовать, - сказала она. - Но я не знаю, что останется от меня, если я это сделаю.

Элайджа смотрел на Аделину, и в её глазах, пустых, как окна заброшенного дома, он видел отражение того, чем он мог бы стать, если бы продал ещё одно воспоминание, если бы пересёк ту грань, за которой не остаётся ничего, кроме кода и пустоты.

- Что ты помнишь? - спросил он, и его голос был тихим, потому что в этой комнате, в этой пустоте, громкие слова казались кошунством, как крик в храме, который давно разрушен.

Аделина не ответила сразу. Её руки, лежавшие на подлокотниках кресла, слегка дрогнули, как будто она пыталась вспомнить, как ими пользоваться, и её взгляд переместился с Элайджи на потолок, где трещины образовывали узор, похожий на карту рек, которые высохли тысячу лет назад.

- Я помню, что я была кем-то, - сказала она, и её голос был сухим, как пыль, которая лежала на полу этой комнаты слоем в палец толщиной. - Я помню, что у меня было имя, но я продала его. Я помню, что у меня была мать, но я продала её лицо. Я помню, что у меня была комната, и в ней был свет, но я продала цвет этого света.

Она замолчала, и в тишине Элайджа услышал, как Серенити сделала шаг вперёд, и её дыхание было неровным, как будто она боролась с чем-то внутри себя, с чем-то, что хотело вырваться наружу.

- Но есть одно воспоминание, которое я не смогла продать, - продолжила Аделина, и её голос изменился, стал чуть твёрже, как будто она говорила о чём-то, что было реальным, даже если всё остальное было иллюзией. - Оно заперто. Оно встроено в самый фундамент того, что осталось от меня. Я не помню, что это такое, но я знаю, что это есть. Я чувствую его, как чувствуют зуб, который давно умер, но всё ещё болит.

Тейт подошёл ближе, и его шаги были тихими, но в пустоте комнаты они звучали как удары, как сердцебиение, которое никто не мог контролировать.

- Это ключ, - сказал он, и его голос был уверенным, как будто он знал это наверняка, как будто он видел это в тех архивах, которые он собирал годами, в тех запрещённых записях, которые он хранил в своём вагоне, как реликвии. - Озимандий встроил его в неё. Он сделал её носителем, потому что знал, что никто не будет искать ключ в женщине, которая продала свою душу по частям.

Аделина посмотрела на него, и в её глазах, пустых, как небо перед рассветом, появилось что-то, что напоминало узнавание, хотя она не могла вспомнить, что именно она узнала.

- Я не знаю, как его открыть, - сказала она. - Я пыталась. Годами я пыталась. Я сидела здесь, в этой комнате, и я пыталась пробиться внутрь, но каждый раз я натыкалась на стену, которая была сделана из того, что я не могу описать. Это не боль. Это не страх. Это что-то другое. Это как будто я пытаюсь вспомнить сон, который я видела до того, как родилась.

Серенити сделала ещё один шаг вперёд, и Элайджа увидел, как её руки сжались в кулаки, как будто она готовилась к чему-то, что требовало всей её силы, всей её воли, всего того, что у неё осталось.

- Я могу попробовать, - сказала она, и её голос был тихим, но в нём была сталь, которая не сгибалась, не ломалась, не поддавалась. - Я могу подключиться к ней. Я могу попытаться снять первый слой защиты.

Элайджа повернулся к ней, и он увидел в её глазах то, что он видел раньше, в клинике, когда она согласилась подключиться к Озимандию, - решимость, которая граничила с отчаянием, и отчаяние, которое граничило с надеждой.

- Ты потеряешь ещё больше, - сказал он, и это не было вопросом, потому что он знал ответ, он знал цену, которую она платила каждый раз, когда открывала свой разум для чужой памяти.

Серенити посмотрела на него, и в её взгляде было что-то, что напоминало улыбку, хотя её губы не двигались.

- Я уже потеряла свой дом, - сказала она. - Я не помню, как выглядит место, где я выросла. Я не помню цвет стен, запах воздуха, звук дождя за окном. Я не помню, была ли у меня собака, или кошка, или дерево во дворе. Я не помню, кто я была до того, как я стала той, кто я есть сейчас.

Она сделала паузу, и в её голосе появилась хрипота, как будто она говорила о чём-то, что было слишком личным, чтобы делиться, но она делилась, потому что другого выбора не было.

- Но я помню, зачем я это делаю, - сказала она. - Я помню, что правда стоит того, чтобы за неё платить. И если я заплачу ещё немного, если я потеряю ещё одно воспоминание, но мы получим ключ, то это будет справедливая цена.

Тейт достал из кармана небольшой прибор, который напоминал старый нейроинтерфейс, но был модифицирован, перепаян, перестроен так, что его оригинальная функция была едва узнаваема.

- Это не будет похоже на подключение к Озимандию, - сказал он, обращаясь к Серенити. - Её память заперта не цифровым замком, а чем-то более глубоким. Это как если бы кто-то взял воспоминание и спрятал его в самом центре её личности, в том месте, где заканчивается код и начинается душа, если ты веришь в такие вещи.

Серенити взяла прибор, и её пальцы дрожали, но не от страха, а от напряжения, от ожидания, от того, что она знала, что произойдёт, и всё равно была готова это сделать.

- Я верю только в то, что можно подключить, - сказала она, и её голос был сухим, как смех, который застрял в горле. - И я верю, что внутри неё есть то, что нам нужно.

Она подошла к Аделине, и та не отодвинулась, не испугалась, не показала никакой эмоции, кроме тихого, почти незаметного кивка, как будто она ждала этого момента всю свою жизнь, как будто она знала, что рано или поздно кто-то придёт и попытается открыть то, что было заперто внутри неё.

- Это может быть больно, - сказала Серенити, и её голос был мягким, как рука, которая касается лица в темноте.

Аделина посмотрела на неё, и в её пустых глазах появилось что-то, что напоминало свет, слабый, далёкий, но реальный, как звезда, которая уже умерла, но чей свет всё ещё путешествует через пустоту.

- Боль - это единственное, что у меня осталось, - сказала она. - Всё остальное я продала. Если ты заберёшь и боль, то что останется?

Серенити не ответила. Она приложила прибор к виску Аделины, и тот засветился тусклым синим светом, который пульсировал в ритме, который не был ритмом сердца, но был ритмом чего-то другого, чего-то, что было глубже, чем кровь, чем-то, что было сделано из электричества и времени.

Элайджа смотрел, как свет пульсирует, и он чувствовал, как кристалл в его кармане нагревается, как будто он откликался на что-то, как будто он знал, что ключ найден, что дверь вот-вот откроется, что тайна, которую он искал всю свою жизнь, была всего в нескольких шагах от него, в нескольких секундах от того, чтобы стать явной.

Но он также чувствовал, что цена будет высокой, что каждый шаг вперёд требует платы, и что плата эта взимается не в монетах, не в кредитах, а в том, что нельзя вернуть, в том, что исчезает навсегда, как свет, который гаснет, когда перегорает лампочка.

Серенити закрыла глаза, и её дыхание стало глубоким, как будто она погружалась под воду, как будто она готовилась к тому, что будет долгим и тёмным, и Элайджа увидел, как её пальцы сжались вокруг прибора, как будто она держалась за него, как за спасательный круг в океане, который не имел дна.

- Я начинаю, - сказала она, и её голос был тихим, как шёпот, который теряется в ветре. - Я не знаю, сколько это займёт времени. Я не знаю, что я найду внутри. Но я знаю, что я не остановлюсь, пока не найду то, что мы ищем.

Аделина сидела неподвижно, её глаза были открыты, но они не видели ничего из того, что было в комнате, они видели что-то другое, что-то, что было внутри неё, что-то, что было заперто так долго, что оно стало частью её костей, частью её крови, частью того, что осталось от её души.

И в тишине, которая последовала за этим, Элайджа услышал, как где-то далеко, в глубине здания, что-то упало, и звук этот был похож на шаги, на шаги, которые приближались, на шаги, которые не обещали ничего хорошего.

Свет от прибора пульсировал в такт чему-то, что не было сердцебиением Аделины, но было глубже, древнее, как пульс самой земли, если бы земля имела пульс и если бы она могла говорить на языке электричества и времени.

Элайджа смотрел на Серенити, и он видел, как её лицо менялось, как черты становились мягче, как будто она погружалась в сон, который был слишком глубоким, чтобы быть сном, слишком реальным, чтобы быть иллюзией. Её губы шевелились, беззвучно произнося слова, которые никто не мог слышать, и её пальцы, сжимавшие прибор, побелели в суставах, как будто она держалась за край пропасти и не хотела падать.

Аделина сидела неподвижно, её глаза были открыты, но они не моргали, и в них не было отражения, как будто свет, который падал на её лицо, не мог проникнуть внутрь, как будто он упирался в стену, которая была прозрачной, но непроницаемой.

Тейт стоял рядом с Элайджей, и его дыхание было тихим, но напряжённым, как струна, которая натянута до предела и может лопнуть в любой момент, и он смотрел на прибор, на свет, который пульсировал, и его глаза были полны того, что напоминало надежду, хотя надежда была редким товаром в этом мире, в этой комнате, в этой пустоте.

- Она внутри, - сказал Тейт, и его голос был тихим, как будто он боялся, что громкий звук может разорвать связь, может разрушить то, что строилось между ними, между Серенити и Аделиной, между памятью и пустотой. - Она нашла первый слой.

Элайджа не ответил. Он смотрел на Серенити, и он чувствовал, как кристалл в его кармане нагревается, пульсирует в такт с прибором, как будто они были связаны, как будто они были частью одной цепи, одной системы, одной тайны, которая раскрывалась медленно, как цветок, который распускается в темноте, где никто не видит его красоты.

Серенити вздрогнула. Её тело напряглось, и её голова откинулась назад, как будто что-то ударило её изнутри, как будто она наткнулась на стену, которая была сделана из боли, из страха, из чего-то, что было старше её самой.

- Я вижу её, - прошептала Серенити, и её голос был хриплым, как будто она говорила сквозь воду, сквозь слой песка, сквозь время, которое сжималось вокруг неё. - Я вижу её мать. Я вижу комнату. Я вижу свет, который падает через окно. Я вижу...

Она замолчала, и её лицо исказилось, как будто она пыталась удержать что-то, что ускользало, что таяло, как снег на горячем асфальте.

- Я вижу лицо, - сказала она, и её голос был полон удивления, как будто она видела что-то, что не ожидала увидеть, что-то, что было слишком личным, слишком интимным, чтобы быть показанным незнакомцу. - Я вижу лицо женщины, которая улыбается. Я вижу руки, которые держат что-то. Я вижу...

И вдруг она закричала.

Это был не громкий крик, не крик боли, а крик потери, крик, который вырвался из самой глубины её существа, из того места, где хранятся самые тёплые воспоминания, самые дорогие моменты, которые нельзя вернуть, которые нельзя купить, которые нельзя продать.

Элайджа рванулся вперёд, но Тейт схватил его за плечо, и его хватка была железной, как будто он знал, что вмешательство может быть хуже, чем бездействие, что любое движение может разорвать связь и оставить Серенити запертой внутри, потерянной навсегда.

- Не трогай её, - сказал Тейт, и его голос был жёстким, как сталь, как будто он говорил не с человеком, а с солдатом, который должен был подчиняться приказам. - Она должна пройти через это сама. Если ты прервёшь соединение, она может не вернуться.

Элайджа остановился, но его руки дрожали, и он чувствовал, как гнев поднимается внутри него, гнев на себя, на Тейта, на весь этот мир, который требовал платы за каждую крупицу правды, который брал и брал, никогда не отдавая, никогда не давая передышки.

Серенити перестала кричать. Её тело обмякло, и голова опустилась на грудь, как будто все силы покинули её, как будто она отдала всё, что у неё было, и осталась пустой, как комната, в которой они сидели, пустой, как глаза Аделины, которые смотрели в никуда.

Прибор погас. Свет исчез, и в комнате стало темнее, как будто что-то ушло, что-то, что давало тепло, что-то, что давало надежду.

Серенити открыла глаза. Они были влажными, и в них было что-то, что напоминало удивление, смешанное с болью, что-то, что напоминало осознание того, что произошло, что-то, что напоминало пустоту.

- Я видела её, - сказала она, и её голос был тихим, как шёпот, который теряется в пустоте. - Я видела её лицо. Я видела, как она улыбается. Я видела, как она держит меня на руках, когда я была маленькой. Я видела комнату, и свет, и запах, и...

Она замолчала, и её глаза расширились, как будто она поняла что-то, что было слишком большим, чтобы вместить, что-то, что было слишком тяжёлым, чтобы нести.

- Я не помню её, - сказала она, и её голос дрогнул. - Я видела её, но я не помню. Я не помню, как её звали. Я не помню, как звучал её голос. Я не помню, как пахли её волосы. Я не помню ничего, кроме того, что я видела её лицо, и теперь оно исчезает, как будто его никогда не было.

Элайджа подошёл к ней, и он опустился на колени рядом с её креслом, и он взял её руки в свои, и они были холодными, как лёд, как будто кровь перестала течь по венам, как будто она отдала слишком много, больше, чем могла позволить.

- Ты потеряла её, - сказал он, и это не было вопросом, потому что он знал, он видел это в её глазах, он чувствовал это в её руках, которые дрожали, как листья на ветру, который не стихал.

Серенити посмотрела на него, и в её глазах были слёзы, которые не падали, которые держались на краю, как будто они ждали разрешения, как будто они ждали момента, когда можно будет упасть.

- Я потеряла всё, что у меня было от неё, - сказала она. - Я видела её в последний раз, и я заплатила за это ценой самого воспоминания. Я отдала его, чтобы пробить первый слой. Я отдала его, чтобы увидеть, что заперто внутри Аделины.

Она отпустила его руки, и она повернулась к Аделине, которая сидела неподвижно, её глаза были закрыты, и её дыхание было ровным, как будто она спала, как будто она отдыхала после долгого путешествия, которое длилось всю её жизнь.

- Я видела её мать, - сказала Серенити, и её голос был ровным, как будто она читала отчёт, как будто она говорила о чём-то, что не касалось её лично, хотя касалось, хотя разрывало её изнутри. - Она была молодой. Она была красивой. Она держала Аделину на руках, и она пела ей песню. Я не слышала слов, но я чувствовала мелодию. Она была грустной, как будто она знала, что произойдёт, как будто она знала, что её дочь потеряет себя.

Тейт подошёл ближе, и он смотрел на Аделину, и его глаза были узкими, как будто он пытался увидеть то, что было скрыто, то, что было заперто внутри неё, то, что они только что начали открывать.

- Первый слой снят, - сказал он, и его голос был спокойным, как будто он говорил о технической детали, как будто он не видел, что Серенити потеряла часть себя, что она заплатила цену, которую нельзя было измерить в кредитах или в монетах. - Осталось ещё два. Может быть, три. Мы не знаем, сколько уровней защиты Озимандий встроил в её память.

Серенити посмотрела на него, и в её взгляде было что-то, что напоминало усталость, смешанную с решимостью, что-то, что напоминало принятие, что-то, что напоминало смирение.

- Я знаю, - сказала она. - Я знаю, что это только начало. Я знаю, что я потеряю ещё больше. Я знаю, что к концу этого путешествия я могу не помнить, кто я такая. Но я знаю, что я не остановлюсь.

Элайджа смотрел на неё, и он чувствовал, как кристалл в его кармане пульсирует, как живое сердце, как будто он знал, что они приближаются, что тайна раскрывается, что правда ждёт их за следующим слоем, за следующей стеной, за следующей ценой.

И в тишине, которая последовала за этим, он услышал шаги снова, ближе, чем раньше, громче, чем раньше, и он понял, что время уходит, что картель находит их, что они должны двигаться, должны уходить, должны заканчивать то, что начали, пока не стало слишком поздно.

Шаги становились громче, и Элайджа чувствовал, как время сжимается вокруг них, как воздух становится плотнее, как будто сама комната давила на него, требуя решения, требуя действия.

- Нам нужно уходить, - сказал он, и его голос был резким, как треск льда под ногами. - Они знают, что мы здесь. Они знают, что мы нашли её.

Тейт уже был у двери, его руки двигались быстро, проверяя замки, оценивая время, которое у них оставалось.

- Тридцать секунд, - сказал он. - Может быть, сорок. Не больше.

Серенити поднялась, но её ноги подкашивались, и она оперлась на спинку кресла, её лицо было бледным, как мел, как будто она отдала не только воспоминание, но и часть самой жизни.

Аделина сидела неподвижно, её глаза были открыты, но она не смотрела ни на что, как будто она всё ещё была внутри, как будто она всё ещё пыталась понять, что произошло, что было потеряно, что было найдено.

- Аделина, - сказал Элайджа, и он опустился перед ней на корточки, его голос был тихим, но настойчивым, как будто он пытался пробиться сквозь слой ваты, который отделял её от реальности. - Аделина, ты слышишь меня? Нам нужно идти. Сейчас.

Она моргнула. Её глаза медленно сфокусировались на его лице, и в них появилось что-то, что напоминало узнавание, хотя она не могла знать его, не могла помнить его, потому что она не помнила ничего, кроме одного запертого воспоминания, которое она не могла продать.

- Ты пахнешь прошлым, - сказала она, и её голос был хриплым, как будто она не говорила годами, как будто слова застревали в горле, как пыль, которая оседает на старых вещах. - Ты пахнешь тем, что было до того, как всё стало другим.

Элайджа замер. Эти слова ударили его, как ток, как будто она ударила по открытому нерву, по чему-то, что он пытался забыть, по чему-то, что он пытался похоронить под слоями сделок и контрактов, под слоями лжи, которую он продавал другим.

- Что ты имеешь в виду? - спросил он, и его голос был тише, чем он хотел, тише, чем он ожидал.

Аделина наклонила голову, и её глаза сузились, как будто она пыталась разглядеть что-то сквозь туман, сквозь слои времени, которые отделяли её от того, что она когда-то знала.

- Я не знаю, - сказала она. - Я не помню. Но я чувствую это. Я чувствую, что ты связан с тем, что я носила в себе. Я чувствую, что твой след был вплетён в код, который я продавала, который я покупала, который я хранила.

Кристалл в кармане Элайджи нагрелся, и он почувствовал, как пульсация стала сильнее, как будто он откликнулся на её слова, как будто он узнавал её, как будто он тянулся к ней через слои времени и памяти.

Шаги снаружи стали громче. Голоса. Кто-то отдавал приказы, и голос был жёстким, как металл, как будто он не привык к отказам, как будто он привык получать то, что хотел.

- Нам нужно идти, - сказал Тейт, и его голос был напряжённым, как струна, которая готова лопнуть. - Сейчас или никогда.

Элайджа схватил Аделину за руку, и она поднялась, её движения были медленными, как будто её тело забыло, как двигаться, как будто она привыкла сидеть неподвижно, ожидая, когда время пройдёт мимо неё.

Они вышли через заднюю дверь, и Тейт вёл их через лабиринт коридоров, через комнаты, которые были пустыми, как будто их покинули давно, как будто они ждали, когда кто-то придёт и заполнит их снова.

Воздух был холодным, и он пах пылью и ржавчиной, и Элайджа чувствовал, как каждый шаг отдаётся в его груди, как будто он бежал не от картеля, а от самого себя, от того, что Аделина сказала, от того, что она почувствовала.

Они остановились в подвале, где свет едва пробивался сквозь грязные окна, и Тейт закрыл дверь, и его руки двигались быстро, устанавливая заглушки, которые должны были скрыть их сигнал, их присутствие, их след.

Элайджа прислонился к стене, и его дыхание было тяжёлым, и он смотрел на Аделину, которая сидела на полу, её глаза были закрыты, и её лицо было спокойным, как будто она ничего не боялась, как будто она уже прошла через всё, что можно было пройти.

- Ты сказала, что я пахну прошлым, - сказал он, и его голос был тихим, но в нём была настойчивость, которая не позволяла ей игнорировать его. - Что ты имела в виду? Что ты чувствуешь, когда смотришь на меня?

Аделина открыла глаза, и они смотрели на него, и в них было что-то, что напоминало древнюю мудрость, что-то, что напоминало знание, которое было старше её самой, старше её пустоты, старше её потери.

- Я не знаю, что я чувствую, - сказала она. - Я не знаю, что я вижу. Но я знаю, что код, который я носила, который я продавала, который я покупала, был связан с тобой. Я знаю, что он был частью тебя, частью того, что ты потерял, частью того, что ты ищешь.

Элайджа почувствовал, как холод пробежал по его спине, как будто она ударила его по самому больному месту, по тому, что он пытался забыть, по тому, что он пытался купить назад, но не мог, потому что оно было продано, стёрто, потеряно навсегда.

- Я продал свою память, - сказал он, и его голос был хриплым, как будто он говорил сквозь слёзы, которые не могли выйти. - Я продал её, когда мне было двенадцать лет. Я продал её, потому что мне нужны были деньги. Я продал её, потому что я не знал, что она будет значить для меня, что она будет значить для всего, что я буду искать.

Аделина смотрела на него, и в её глазах было что-то, что напоминало сострадание, что-то, что напоминало понимание, хотя она не могла помнить, что значит терять, потому что она потеряла всё.

- Я помню код, - сказала она, и её голос был тихим, как шёпот, который теряется в пустоте. - Я не помню, откуда он взялся, но я помню его. Я помню, как я продавала его, как я покупала его, как я хранила его. Он был моим талисманом, моей связью с тем, что было до того, как я стала пустой. Он был всем, что у меня осталось.

Она замолчала, и её глаза смотрели в пустоту, как будто она видела что-то, что было скрыто от других, что-то, что было спрятано за слоями времени и забвения.

- Я продавала его на бархатном рынке, - сказала она, и её голос был ровным, как будто она говорила о чём-то обыденном, о чём-то, что не имело значения. - Я продавала его тем, кто искал правду. Я продавала его тем, кто искал себя. Я продавала его тем, кто не знал, что они ищут.

Элайджа почувствовал, как его сердце забилося быстрее, как будто оно пыталось вырваться из груди, как будто оно знало, что она говорила о чём-то важном, о чём-то, что могло изменить всё.

- Какой это был код? - спросил он, и его голос был напряжённым, как будто он боялся ответа, как будто он знал, что ответ может разрушить всё, что он знал, всё, что он думал, что знал о себе.

Аделина посмотрела на него, и в её глазах было что-то, что напоминало удивление, смешанное с узнаванием, что-то, что напоминало осознание того, что произошло, что-то, что напоминало правду.

- Это был код твоего детства, - сказала она. - Это был код того воспоминания, которое ты продал, того воспоминания, которое ты ищешь, того воспоминания, которое было заперто внутри меня все эти годы.

Элайджа почувствовал, как земля уходит из-под его ног, как будто весь мир рухнул, как будто всё, что он знал, всё, что он думал, что знал, было ложью, было иллюзией, было чем-то, что было построено на песке.

Она продавала его память. Она продавала код его детства. Она продавала то, что он искал, то, что он потерял, то, что он хотел вернуть больше всего на свете.

И теперь она сидела перед ним, пустая, потерянная, не помнящая ничего, кроме этого кода, который был его, который был её, который был их связью, их тайной, их правдой.

- Как? - спросил он, и его голос был тихим, как шёпот, который теряется в пустоте. - Как это возможно? Как мой код оказался у тебя? Как ты получила его?

Аделина покачала головой, и её глаза были пустыми, как окна заброшенного дома, как будто ответ был скрыт за слоями времени, которые она не могла пробить, которые она не могла вспомнить.

- Я не знаю, - сказала она. - Я не помню. Я помню только код. Я помню только то, что он был моим, что он был важным, что он был ключом к чему-то большему, чем я сама.

Тейт подошёл ближе, и его лицо было мрачным, как будто он понимал, что это значит, как будто он видел, как кусочки головоломки складываются в картину, которая была страшнее, чем он предполагал.

- Озимандий не просто дал тебе её координаты, - сказал он, и его голос был тихим, но в нём была сталь, которая не гнулась. - Он связал тебя с ней. Он связал твою память с её кодом. Он сделал вас частью одной цепи, одной системы, одной тайны.

Элайджа почувствовал, как кристалл в кармане пульсировал в такт его сердцу, как будто он был живым, как будто он реагировал на слова Аделины, на правду, которую она произнесла, на связь, которую она раскрыла.

Снаружи раздался крик, и он был жёстким, как треск стекла, как будто кто-то отдавал приказ, который не терпел возражений.

- Они обыскивают каждый этаж, - сказал Тейт, и его голос был тихим, но в нём была напряжённость, которая вибрировала в воздухе, как струна, которая готова лопнуть. - У нас есть пять минут, может быть, меньше.

Элайджа посмотрел на Аделину, и она смотрела на него, и в её глазах было что-то, что напоминало понимание, что-то, что напоминало принятие того, что происходило, того, что должно было произойти.

- Ты знаешь, куда нам идти? - спросила она, и её голос был ровным, как будто она не боялась, как будто она уже прошла через всё, что можно было пройти, и ничего не могло удивить её.

Элайджа покачал головой.

- Нет, - сказал он. - Но я знаю, куда мы не можем идти. Мы не можем вернуться в город. Мы не можем вернуться на рынок. Мы не можем вернуться никуда, где есть сеть, где есть камеры, где есть люди, которые могут узнать нас.

Тейт подошёл к окну и выглянул наружу, его лицо было напряжённым, как будто он видел что-то, что подтверждало его худшие опасения.

- Они уже перекрыли улицы, - сказал он. - Они выставили блокпосты. Они не хотят, чтобы мы ушли. Они хотят, чтобы мы остались здесь, чтобы они могли найти нас, чтобы они могли забрать кристалл и всё, что он содержит.

Серенити поднялась, и её движения были медленными, как будто каждое движение требовало усилий, как будто она отдала больше, чем просто воспоминание, как будто она отдала часть самой себя.

- Есть другой путь, - сказала она, и её голос был хриплым, но в нём была уверенность, которая не позволяла сомневаться. - Через старые туннели. Они ведут в заброшенный сектор. Там нет сети, нет камер, нет ничего, кроме пустоты и того, что осталось от старого мира.

Элайджа посмотрел на неё, и в её глазах было что-то, что он не мог прочесть, что-то, что было скрыто за слоями усталости и потери, что-то, что напоминало знание, которое она получила ценой, которую он не мог представить.

- Ты знаешь дорогу? - спросил он.

- Я знаю, - сказала она. - Я помню её. Я помню её, потому что она была частью того, что я потеряла сегодня. Я помню её, потому что она была частью того, что я отдала.

Тейт кивнул, и его руки уже двигались, собирая оборудование, проверяя оружие, готовясь к тому, что должно было произойти.

- Тогда мы идём, - сказал он. - Сейчас.

Они вышли через заднюю дверь, и Серенити вела их через лабиринт коридоров, через комнаты, которые были пустыми, как будто их покинули давно, как будто они ждали, когда кто-то придёт и заполнит их снова.

Воздух становился холоднее, и он пах пылью и ржавчиной, и Элайджа чувствовал, как каждый шаг отдаётся в его груди, как будто он бежал не от картеля, а от самого себя, от того, что Аделина сказала, от того, что она раскрыла.

Они спустились в подвал, и Серенити остановилась перед стеной, которая была покрыта слоями грязи и времени, и она провела рукой по поверхности, как будто она искала что-то, что было скрыто от глаз.

- Здесь, - сказала она, и её голос был тихим, как шёпот, который теряется в пустоте. - Вход был закрыт, но он всё ещё здесь.

Она нажала на что-то, и стена сдвинулась, открывая проход, который был тёмным, как бездна, как будто он вёл в никуда, как будто он вёл в мир, который был забыт, который был оставлен, который был похоронен под слоями времени и прогресса.

Элайджа почувствовал, как холод пробежал по его спине, как будто он стоял на краю пропасти, как будто он смотрел в глаза чему-то, что было старше его, что было старше всего, что он знал.

- Ты уверена? - спросил он, и его голос был напряжённым, как будто он боялся ответа, как будто он знал, что ответ может изменить всё.

Серенити посмотрела на него, и в её глазах было что-то, что напоминало сожаление, смешанное с решимостью, что-то, что напоминало знание того, что она теряла, что-то, что напоминало принятие того, что должно было произойти.

- Нет, - сказала она. - Но это единственный путь, который у нас есть.

Она шагнула в темноту, и её шаги эхом разнеслись в пустоте, как будто она звала кого-то, кто был там, в глубине, кто ждал, кто наблюдал, кто знал, что они придут.

Тейт последовал за ней, и Аделина пошла за ним, и Элайджа остался последним, стоя на пороге, чувствуя, как темнота тянет его, как будто она была живой, как будто она хотела поглотить его, как будто она хотела стереть всё, что он знал, всё, что он помнил, всё, что он был.

Он сделал шаг, и тьма сомкнулась вокруг него, и он почувствовал, как холод проникает в его кости, как будто он погружался в воду, которая была старше времени, которая была старше памяти, которая была старше всего, что существовало.

Позади него стена закрылась, и звук был глухим, как захлопнувшаяся дверь, как будто он отрезал их от мира, от всего, что они знали, от всего, что они могли вернуть.

Они шли в темноте, и их шаги были единственным звуком, который нарушал тишину, и Элайджа чувствовал, как время теряет смысл, как будто оно растворялось в пустоте, как будто оно переставало существовать, как будто они шли через вечность, через бесконечность, через ничто.

Серенити остановилась, и её голос был тихим, но он разнёсся в темноте, как будто он был единственным, что осталось от реальности.

- Мы на месте, - сказала она. - Заброшенный сектор. Никто не придёт сюда. Никто не ищет здесь. Мы в безопасности.

Элайджа посмотрел вокруг, и он видел только тени, только очертания, только то, что осталось от мира, который был оставлен, который был забыт, который был похоронен под слоями времени и прогресса.

Он почувствовал, как кристалл в кармане пульсировал, как будто он реагировал на пустоту, как будто он знал, что они были там, где никто не мог найти их, где никто не мог забрать то, что они нашли, где никто не мог стереть то, что они узнали.

Аделина стояла рядом с ним, и её лицо было бледным в полумраке, и она смотрела на него, и в её глазах было что-то, что напоминало вопрос, что-то, что напоминало ожидание, что-то, что напоминало надежду, которая была такой хрупкой, что могла разбиться от любого слова.

- Что теперь? - спросила она, и её голос был тихим, как шёпот, который теряется в пустоте.

Элайджа посмотрел на неё, и он почувствовал, как тяжесть всего, что произошло, давила на него, как будто он нёс на плечах не только свою память, но и память всего мира, память всего человечества, память всего, что было потеряно и забыто.

- Теперь мы ищем правду, - сказал он, и его голос был твёрдым, как сталь, как будто он знал, что они не могли отступить, что они не могли остановиться, что они должны были идти до конца, даже если конец был тёмным, как бездна, которая окружала их.

Где-то вдалеке, за стенами заброшенного сектора, за слоями бетона и времени, он услышал звук, который был похож на шёпот, который был похож на зов, который был похож на голос Озимандия, который говорил ему, что он был на правильном пути, что он был близок к правде, что он был близок к тому, что искал, что он был близок к тому, что потерял.

И он знал, что они не могли остановиться, что они не могли вернуться, что они должны были идти вперёд, в темноту, в неизвестность, в то, что ждало их за горизонтом, в то, что было скрыто за слоями времени и забвения.

Он сделал шаг вперёд, и его шаги эхом разнеслись в пустоте, как будто он звал кого-то, кто был там, в глубине, кто ждал, кто наблюдал, кто знал, что они придут, кто знал, что они найдут то, что искали, даже если они не знали, что это было, даже если они не знали, что это значило, даже если они не знали, что это изменит всё, что они знали, всё, что они были, всё, что они могли стать.

Глава 4: Подпольный след

Тейт остановился перед ржавой решёткой, которая перегораживала вход в старую станцию метро, и его пальцы скользнули по металлу, как будто он искал что-то, что было скрыто от глаз, что-то, что было спрятано под слоями грязи и времени.

- Здесь, - сказал он, и его голос был тихим, как будто он боялся, что кто-то услышит его, что кто-то узнает, что они были там, где не должны были быть. - Это было закрыто пятьдесят лет назад. Никто не знает, что здесь есть. Никто не помнит.

Элайджа посмотрел на решётку, и он видел, как тьма за ней была густой, как смола, как будто она ждала, когда кто-то войдёт, когда кто-то нарушит её покой, когда кто-то откроет то, что было спрятано.

- Как ты узнал об этом? - спросил он, и его голос был напряжённым, как будто он знал, что ответ был важным, что ответ был частью чего-то большего, что он не мог понять.

Тейт повернулся к нему, и в его глазах было что-то, что напоминало боль, смешанную с гордостью, что-то, что напоминало знание, которое было получено ценой, которую он не мог забыть.

- Моя мать работала здесь, - сказал он. - Она была архивариусом. Она знала, что происходит. Она знала, что скрывают. Она знала, что стирают. И она сохранила копии. Она сохранила всё, что могла, прежде чем они закрыли это место, прежде чем они стёрли её память, прежде чем они сделали её пустой.

Серенити подошла ближе, и её лицо было бледным в полумраке, и она смотрела на решётку, как будто она видела что-то, что было скрыто от других, что-то, что было доступно только тем, кто потерял достаточно, чтобы понять.

- Ты был здесь раньше? - спросила она, и её голос был тихим, как шёпот, который теряется в пустоте.

Тейт покачал головой.

- Нет, - сказал он. - Но я знаю, что внутри. Я знаю, потому что она рассказала мне. Она рассказала мне всё, прежде чем они стёрли её. Она рассказала мне, где искать, если я когда-нибудь узнаю правду, если я когда-нибудь пойму, что весь мир, который мы знаем, построен на лжи.

Он вытащил из кармана маленький инструмент, который был похож на ключ, но был сделан из металла, который светился в темноте, как будто он был живым, как будто он содержал в себе что-то, что было старше всего, что существовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.